

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Д.С. Воробьева

*(Белорусский государственный университет,
г. Минск, Беларусь)*

ЦЕРКОВНО-РЕЛИГИОЗНЫЙ СТИЛЬ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА (НА МАТЕРИАЛЕ ДУХОВНЫХ АВТОБИОГРАФИЙ)

Разработка теории церковно-религиозного стиля предполагает опору на историю его развития, поскольку именно история любого явления предопределяет векторы его эволюции в настоящем. XVIII–XIX столетия – период, ознаменованный в русском литературном языке интенсивными жанрово-стилевыми изменениями. Особенно активным развитием норм литературного языка, сопровождавшимся бурными спорами «архаистов» и «новаторов», характеризуется первая треть XIX века.

В текстах духовных автобиографий этого периода «в сложное взаимодействие с летописным и агиографическим этикетом вступает явление нового характера, такое, как биографизм, который нацелен на проявление личностно-индивидуального начала и способствующего разрушению средневековой условно-нормативной связи содержания с формой» [3, с. 11]. Мы предполагаем, что явление подобного сложного взаимодействия оказало существенное влияние на становление современного церковно-религиозного стиля. Кроме этого, «ключевым концептом» жанров повествовательной литературы, развившихся из средневекового жития (жизнеописание духовного лица, в том числе автобиография, сказание о подвигах и др.), является святость [2, с. 157]. Концепт святости самым тесным образом связан с двоemiрием как основным принципом религиозного мировоззрения, предопределяющим такую яркую отличительную черту церковно-религиозного стиля, как языковая неоднородность, или двуязычие.

Цель настоящего исследования – определить и описать явления в области глагольного формообразования и функционирования глагольных лексем в текстах духовных автобиографий первой трети XIX века. Глагол как часть речи несет особую стилистическую нагрузку. «Являясь темпоральной доминантой художественного текста, глагольные формы принимают самое деятельное участие в формировании временного континуума произведения» [7, с. 91]. А поскольку хронотоп несет в себе жанрообразующую функцию (по М. М. Бахтину), при помощи анализа глагольных форм мы попытаемся выявить характерные черты как церковно-религиозного стиля соответствующего периода в целом, так и исследуемого жанра в частности.

Для анализа нами были выбраны следующие источники: «Житие и страдания отца и монаха Авеля» (составлено предположительно им самим в 1820-х годах) [4], «Автобиография Юрьевского архимандрита Фотия» (написана в 1830–1833 годах) [1], а также автобиографические сочинения иеромонаха Ар-

сения Троепольского – «Излияние сердца» (1824 года) и «Записки для моей грешной, окаянной и слабой памяти» (1828 года) [6].

Главным стилеобразующим элементом «Жития и страдания отца и монаха Авеля», жанровую принадлежность которого мы определяем как духовная автобиография [5, с. 19], являются архаичные формы глагола в прошедшем времени. При этом современные формы с суффиксом *-л-* явно преобладают в тексте (процентное соотношение их во фрагменте (I и II части): 60/40). Наиболее часто встречающиеся устаревшие глагольные формы – 3 л. ед. ч. аориста, что соответствует текстам повествовательной литературы Древней Руси. Как правило, их употребление связано с выражением устойчивых агиографических топосов: уход святого в монастырь/пустынь, ниспосланные Всевышним искушения, борьба с антагонистом (бесом), страдания (*пойдя он с сего года в южные страны и в западные, отыде въ пустыню, похвали о сем Бога, явися ему многія скорби*).

Глаголы речи, мысли и восприятия также чаще всего употребляются в формах аориста (реже имперфекта): *рече въ себѣ, отвѣщаваху къ нему и рекоша, рече къ нему, отвеща, видѣша, взываху весь народъ*. Вероятнее всего, это связано с тем, что «оформление прошедшего времени по нормам церковнославянского языка – если речь идет о свободно употребляемых формах, обычно получали глаголы книжного происхождения» [8, с. 93].

Отмечен пример употребления в парной конструкции современной глагольной формы (перфект без связки) и аориста: *Он же пакы к нему отвещалъ и глагола*. Примечательно употребление одного и того же глагола в разных формах (современной и архаичной): *И доложилъ о томъ генералу, который управляетъ весь сенат; той же доложи самому государю Павлу*. На наш взгляд, это обусловлено тем, что глагол *доложить*, с одной стороны, воспринимается как книжный глагол речи, мысли и восприятия, а с другой – как элемент официально-делового стиля. Утверждение И. В. Грековой о «вторжении» «в пределы церковно-религиозного стиля на современном этапе» [2, с. 116] черт официально-делового, таким образом, можно дополнить фактами проявления этой тенденции уже в текстах XIX века.

Используется форма аориста и в устойчивых сочетаниях, повторяющихся на протяжении текста: *удивися вкупе же и ужасеся, ужасошася и бежаша*. Особый интерес вызывает употребление глагола *быти* в качестве связки составного именного сказуемого в форме аориста (*привезень бысть, бысть тако отправленъ*), а в значении присутствия – в современной форме (*и много у нихъ было разговора и спора*). Можно предположить, что эта дифференциация служит указанием на стилистический регистр синтаксической конструкции.

Единожды в тексте употреблена форма перфекта со связкой (в обращении к святому высших, божественных сил, от которых он получил «великий дар прорицания судеб будущего»): *буди ты новый Адамъ и древній отецъ Дадамей, и напиши яже видѣлъ еси: и скажи яже слышалъ еси*. Примечательна в этом примере и архаичная форма повелительного наклонения *буди*. Встречаются в житии и архаичные формы причастий – также при описании действий святого: *Господь же видя раба своего такую брань творяща, Отець же Авель пришедъ въ себя*.

Несмотря на преобладание современных форм прошедшего времени в «Автобиографии Юрьевского архимандрита Фотия», текст насыщен устаревшими

формами. Среди них преобладают действительные причастия настоящего и (реже) прошедшего времени в полной и краткой формах (*поборая, воскресый, глаголяй, ходяй и ничего не думая, служащи, сродники и знаеми пришедшее, слезящи и болящи душою мати его*) и деепричастия, образованные по непродуктивным в современном русском языке моделям (*стражда, боля и мучась, не стерпя, устроя, сидя на столе, собою ведя*). Все эти формы так или иначе связаны с образом архимандрита или с образом благочестивой Анны.

Обнаружены примеры употребления форм причастий прошедшего времени, образованных от глаголов движения, в роли деепричастия: *Такъ Фотий ... возсѣдъ на колесницу от нея присланную, поѣхалъ къ девицѣ*. Нередко используются архаичные деепричастия м. р. ед. ч. типа *помолвився, изумився, устыдився, возвратився, утешився, слышав, заблудив* (подобные формы к середине XVIII века перестали активно использоваться в текстах).

Формы перфекта и аориста чаще всего используются в прямой речи архимандрита (*не отставил мя еси, уповахъ, пребылъ еси во злобе, погубе*). Однако встречаются примеры использования аориста и при описании событий (*изыде тайно, о часе третьем роди его мати его*). Прямая речь главного героя, его внутренние монологи также характеризуются обилием устаревших форм повелительного наклонения (*крѣпися, слыши, глаголи, виждь*). Архаичные императивы встречаются и в высказываниях других персонажей: *буди после меня утешение; не забуди меня*. В молитвенных обращениях архимандрита к Богу реализуется архаичное спряжение глагола *въдати* (*въси, повѣмъ, въмъ*).

Особого внимания заслуживают формы с огласовкой постфикса *-ся*, достаточно часто используемые в тексте (*не убоюся, крѣпися, трудяся*), а также формы инфинитива с суффиксом *-ти* (*глаголати, ясти, молитися*) как средство создания высокого стиля. Однако в одном предложении может присутствовать один и тот же инфинитив в разных вариантах.

Интересно проследить за тем, как в тексте употребляется глагол *быть* в роли связочного компонента. В настоящем времени его присутствие в соответствии с архаичной системой склонения обязательно (*дар свыше есть сходяй от Него, сердце ея есть чисто, что суть оныя*). В прошедшем времени в большинстве случаев употребляется современная форма (*быль срѣтаемъ, отвезенъ былъ, былъ званъ въ домъ, служащи была, несен был*). Подобная дифференциация уже была обнаружена нами в житии отца Авеля.

Конструкции со страдательными причастиями наиболее частотны в тексте: *общий слух был разглашаем, от беса вдыхаемая, рука подъята*.

Ещё одна характерная черта анализируемого текста – обилие глаголов, маркированных, благодаря полногласным приставкам, как лексические церковнославянизмы: *возгласиль, вопіяль, сокрывали, не возмог, придешь*.

Особое внимание стоит обратить на формы *подъемлет, прияла, объемя*. В «Словарь церковнославянского и русского языка» 1847 года фиксируются как варианты *принять, обнять* так и *примать* («то же, что принимать»), *объяти*¹. Употребления форм с высокой стилистической окраской в сочинении Фотия

¹ Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук. Репринт издания 1847 года. – Том III. – С. 509.

может быть обусловлено либо переносностью значения глагола, либо торжественностью описываемого момента.

Отличительной особенностью глагольного употребления в сочинениях «Излияние сердца» и «Записки для моей грешной, окаянной и слабой памяти» является обилие стативов (*к таковой жизни предызбран, погребена, облечен в ряску*). Подобные формы широко использовались в духовных автобиографиях XVIII века («Дневные записки Святого Димитрия Митрополита Ростовского», «Собственно-ручные записки о жизни своей епископа Иоасафа (Горленко)»). Возможно, таким образом автор выражает преемственность манеры повествования.

Также в текстах иеромонаха велика доля действительных причастий и страдательных настоящего времени (*наставляем советами моей матери, увлекаем, знаки являвшегося на мне предызбрания Божия*).

Архаичные глагольные формы прошедшего времени (аорист и имперфект) 1 и 3 лица ед. ч., как правило, связаны в тексте с лексико-семантической группой «рождение–смерть»: *роди мя мати, преставися к вечней жизни, осиротех аз, уготовася тебе место упокоения*. Примечательно то, что, если речь идет о смерти женщины, употребляется современная форма с суффиксом *-л-* (*преставилась родительница моя Мария*). Если говорится о смерти монаха, как правило, используется форма аориста.

В молитвенных обращениях иеромонаха к Богу (чаще всего связанных с кончиной близкого человека или деятеля церкви) регулярно используются устаревшие формы императива: *Покой их Г[оспо]ди, благослови начало! Да назидается худость моя! Да укрепит его десница Г[оспо]дня!* Нередко автором используется архаичная глагольная связка *есть*, повышающая регистр синтаксических конструкций (*из всех состояний жизни есть удобнейшая и выгоднейшая жизнь уединенная, свидетель тому есть Бог*).

Книжному характеру стиля отвечает частотность фонетических церковнославянизмов (*облеци, пейся, востязующего, похощет*).

В рассматриваемых текстах присутствует особая черта, не характерная для «Жития и страдания отца и монаха Авеля» и «Автобиографии архимандрита Фотия (Спасского)», – использование глаголов в настоящем времени, обозначающих временную локализованность автора: *могу припомнить, сие истинно признаю за предызбрание Божие, живо помню, как будто бы в сей час вижу, имею ясные тому доказательства*. События земной жизни соотносятся не только с вечностью, но и с моментом самого повествования.

Таким образом, в проанализированных духовных автобиографиях первой трети XIX века, глагольные формы выступают средством грамматической реализации принципа двомирия, что в наибольшей степени относится к сочинениям архимандрита Фотия Спасского и отца Авеля. В автобиографических произведениях Арсения Троицкого, в отличие от духовной прозы Фотия и Авеля, устаревшие формы используются не столько с целью противопоставления мира вечного земному миру, сколько по причине смещения точки отсчета высказывания. Повествование о прошлом в произведении при особой духовной значимости событий осуществляется в средневековой житийной манере, а языковое воплощение настоящего по стилистике мало отличается от произведений светских авторов того времени.

Сосуществование церковнославянских и русских элементов является общей характерной чертой всех проанализированных сочинений. Активное формирование языковой нормы в тот период было теснейшим образом связано с культурно-идеологической борьбой между сторонниками европеизации (и секуляризации) и приверженцами «славянских истоков». Причинами употребления устаревших форм во всех рассмотренных произведениях могут быть названы стремление повествователя подчеркнуть ориентацию на средневековую книжную традицию, высокий стилистический регистр самого глагола, частотность его употребления, абстрактность семантики подлежащего, обозначающего субъект при нем.

Литература

1. Автобиография архимандрита Фотия (Спасского) (1792–1838) / сост. В. В. Улыбин, Ю. Е. Кондаков. – СПб. : Алетей, 2015. – 376 с.
2. Грекова, И. В. Эволюция агиографического жанра в функционально-стилистическом аспекте : дис. ... кандидата филол. наук : 10.02.01. / И. В. Грекова. – Кемерово, 2014. – 211 с.
3. Жиленков, А. И. Мемуарно-биографические жанры в русской духовной литературе XVIII–XIX веков [Электронный ресурс] / А. И. Жиленков // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. – 2016. – № 14. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/memuarno-biograficheskie-zhanry-v-russkoy-duhovnoy-literature-xviii-xix-vekov>. – Дата доступа: 22.02.2022.
4. Житие и страдание отца и монаха Авеля // Русская старина : ежемесячное историческое издание : в 174 томах. – СПб. : Тип. В. С. Балашева, 1875. – Т. 12, вып. 1–4. – С. 416–435.
5. Житие преподобного Авеля-прорицателя // изд. Свято-Троицкого Ново-Голутвина женского монастыря. – Коломна, 1995. – 176 с.
6. Запальский, Г. М. Иеромонах Арсений (Троепольский): «Очерк странствования моего по бурному морю житейскому» / Г. М. Запальский // Вестник церковной истории. – 2010. – № 1/2 (17/18). – С. 108–127.
7. Зворыгина, О. И. Форма прошедшего времени глагола как средство создания основного временного плана русской литературной сказки [Электронный ресурс] / О. И. Зворыгина // Известия ВГПУ. – 2009. – № 5. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/forma-proshedshego-vremeni-glagola-kak-sredstvo-sozdaniya-osnovnogo-vremennogo-plana-russkoy-literaturnoy-skazki>. – Дата доступа: 30.10.2021.
8. Серегина, Е. Е. Архаичные формы глагола у писателей XIX века / Е. Е. Серегина // Русская речь. – 2016. – № 3. – С. 90–95.